

ПРЕПОДОБНЫЙ ИУСТИН ПОПОВИЧ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОПАСТИ

ПРЕПОДОБНЫЙ ИУСТИН ЧЕЛИЙСКИЙ
(ПОПОВИЧ)

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОПАСТИ

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОПАСТИ
преподобный Иустин Челийский (Попович)

Икона на обложке книги:
«преподобный Иустин Челийский (Попович)»,
Неизвестный автор

© 2024, Orthodox Logos Publishing, The Netherlands

www.orthodoxlogos.com

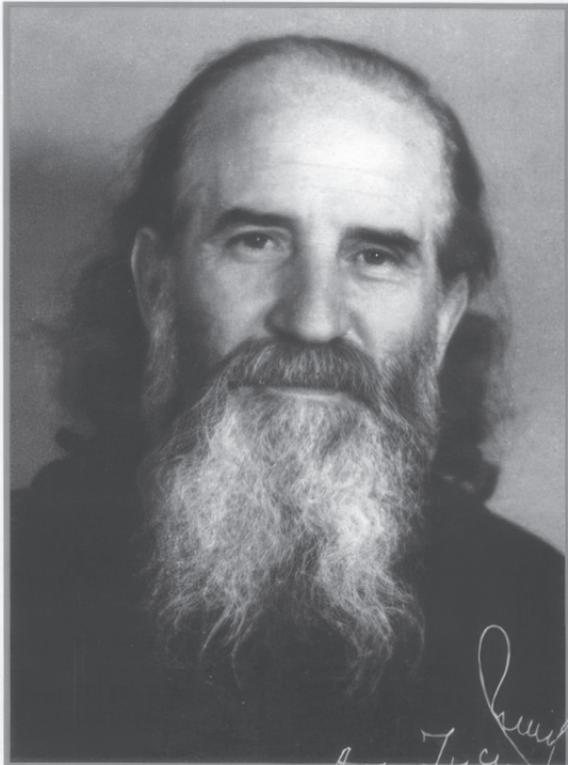
ISBN: 978-1-80484-173-0

This book is in copyright. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any means without the prior permission in writing of the publisher, nor be otherwise circulated in any form of binding or cover other than that in which it is published without a similar condition, including this condition, being imposed on the subsequent purchaser.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИУСТИН ЧЕЛИЙСКИЙ
(ПОПОВИЧ)

ФИЛОСОФСКИЕ
ПРОПАСТИ

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

James
A. T. C. 1887

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-----------------------	---

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОПАСТИ

I. АГОНИЯ ГУМАНИЗМА

Средоточие трагизма	12
Европейский человек на раскаленном перепутье	21
Прогресс в мельнице смерти	30
Высшая ценность и непогрешимый критерий	61
Меж двух философий	90
Невидимое в видимом (тайна добра и зла)	105
Страшный суд над Богом.	128

II. РАДОСТИ И ГОРЕСТИ, МЫСЛИ И ОЩУЩЕНИЯ

Рай и мой ад (смысл жизни и мира)	153
Скорбно и для херувимских сердец	161
Осужденные на бессмертие	168
Вопль о Христе	174

III. ВОДОРАЗДЕЛ

Метерлинк перед великой тишиной	193
Достоевский как пророк и апостол православного реализма	207

О рае русской души	222
На водоразделе культур	233
Пасха и сербские бессмертные	254
О неприкосновенном величии человека	262

IV. СКОРБИ И ЖЕЛАНИЯ

Роение бесконечностей	280
На террасе атома	289
Бунт клещей	296
Вниз по шумному водопаду времени	306
Она – неодолимая обольстительница	316
Серна в потерянном рае. Исповедь	321
Примечания	331

Биография:

Преподобный Иустин Челийский (Попович)	335
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Философские пропасти» преподобного Иустина Челийского – это глубокое философско-богословское произведение, в котором великий сербский святой архимандрит Иустин (Попович) размышляет о самых насущных вопросах бытия, смысле жизни, природы человека и его пути к Богочеловеку. В этой книге Иустин Челийский соединяет философские учения с христианской верой, проводя читателя через тернистый путь человеческой мысли, которая, стремясь к истине, часто оказывается на грани духовной пропасти.

Архимандрит Иустин (1894–1979) был не только богословом, но и глубоким философом, литератором и учителем, оставившим богатое наследие духовных и научных трудов. «Философские пропасти» – одно из его наиболее философски насыщенных произведений, где ярко отражена его вера и его любовь к Богочеловеку Иисусу Христу. Здесь пересекаются и сталкиваются две парадигмы: гуманистическая философия, сосредоточенная на человеке и его разуме, и православная философия, восходящая к идее Богочеловека, единственного Спасителя и ответа на все философские и экзистенциальные вопросы.

Книга насыщена не только богословскими размышлениями, но и лирическими образами. В каждом очерке преподобный Иустин сопоставляет глубины человеческой мысли с бесконечностью божественной мудрости.

Он выводит читателя на новый уровень понимания, предлагая уникальную перспективу, где земное и небесное встречаются в духовной борьбе за душу человека.

По словам самого автора, этот цикл философских очерков был написан «в некоторые дни и ночи» между двумя мировыми войнами, когда мир находился в хаосе и разрушении. В этих очерках святитель Иустин открывает не только трагизм человеческой истории, но и свет надежды, который заключен в Православии и его учении о Христе.

Основная тема книги – это противопоставление западной гуманистической философии и православного понимания жизни, смерти, времени и вечности. Архимандрит Иустин показывает, как человеческая мысль, лишенная Бога, стремится к саморазрушению, в то время как только Богочеловек может дать ответ на все вопросы и разрешить все противоречия, к которым приводит человеческая гордыня.

Важнейшая задача этого произведения – провести читателя через философские пропасти, через которые когда-то проходил сам Иустин, и показать, как через веру в Богочеловека можно найти путь к свету и истине. Автор приглашает каждого из нас задуматься о наших собственных поисках истины, предлагая богатый духовный и философский опыт.

Особенность книги в том, что она является синтезом философских идей и христианского откровения, но при этом остается доступной для широкой аудитории. Это произведение обращено к тем, кто ищет ответы на вопросы о смысле жизни, о том, как соединить разум и веру, как найти духовную опору в мире, где так много тьмы и страданий.

В переводе на русский язык, подготовленном и тщательно отредактированном, книга сохраняет все нюансы

стиля и языка оригинала. Цитаты из Священного Писания даны на русском языке, что делает текст более понятным для современного читателя, сохраняя при этом его философскую и духовную глубину.

Архимандрит Иустин (Попович) – это одна из тех фигур, чьи работы невозможно просто прочитать и забыть. Его «Философские пропасти» – это вызов современному человеку, приглашение заглянуть в глубины собственной души и пересмотреть свои жизненные ориентиры. В мире, где доминирует философия гуманизма и материализма, эта книга предлагает альтернативу – путь к духовной жизни, основанной на истине, вечной и неизменной.

Читая эту книгу, каждый сможет испытать духовное возрождение, задать себе важные вопросы и найти ответы, основанные на православной вере и учении о Богочеловеке. «Философские пропасти» – это не просто философское произведение, это духовное руководство для тех, кто ищет истину в современном мире, полном сомнений и противоречий.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОПАСТИ

I. АГОНИЯ ГУМАНИЗМА

СРЕДОТОЧИЕ ТРАГИЗМА

Всякий человек – пленник тайн, ибо всякий осажден тайнами. Со всех сторон они собираются вокруг него и наваливаются на него. Каждое явление излучает тайну, а каждая тайна – бесчисленное множество тайн. Нет ни одного создания, которое бы не носило в себе тайну. Тайна рядом с тайной, тайна на тайне – так и образовался мир. Человек заключает в себе некую праисконную центростремительную силу, притягивающую ко всему таинственному. И привлекает к себе все тайны, и они устремляются к нему, окружают его со всех сторон.

Каждое чувство человека окружено бесконечными физическими таинствами. Из всякой твари во всякий атом человеческого существа смотрят чудесные тайны. И самая маленькая тайна развивается в тайну вселенскую, в тайну бесконечную. Столкнувшись с одной из них, человек сталкивается разом со всем тем, чему нет конца. Последняя тайна всякого явления и всякой твари обвита бесконечностью. Тайна единой мельчайшей водяной капли настолько огромна, что в ней захлебнется весь человек: и его чувства, и ум, и мысль. Если до конца проанализировать каплю, то можно обнаружить, что она состоит из невидимых и неосязаемых частиц, которые зовутся атомами, электронами и праэлектронами. Так

учит современная химия. Видимая капля основана на невидимых частицах; осязаемая капля – на неосязаемых атомах; конечная капля своей сущностью уходит в бесконечность. Это химическая бесконечность.

Но существует и физическая бесконечность. Современная физика имеет свою бесконечность, ибо все свои построения основывает на гипотезе об эфире, «который неосязаем, и неподвижен, и сам по себе незаметен».

Так, современная физика и современная химия всякое явление и всякую вещь сводят к чему-то невидимому, к чему-то сверхчувственному, к чему-то бесконечному. И действительно, бесконечность есть конец всякой, на первый взгляд, конечной материи. Все физическое в своей основе метафизично. И в самом крошечном создании укоренена бесконечность, которую человек не может уловить ни чувствами, ни мыслями. Все конечное основано на бесконечном. Существует некий необъяснимо загадочный переход конечного в бесконечное, переход, не подлежащий никакому чувственному или логическому анализу. Все, что кажется чувственным, в действительности сверхчувственно; все, что мыслимо, в действительности превышает мыслимого. Возможность осмыслить мир несравненно уже и мельче реальности мира. Поэтому и эта возможность бесконечна с каждой стороны своего существования. Если человек намеренно не укорачивает свои мысли и намеренно не сужает свой дух, то в этом мире он должен чувствовать себя мыслящей скорлупкой в бурном море бесконечности.

Таинственность мира бесконечна, это должен ощущать всякий, кто хоть однажды беспристрастно заглядывал в тайну мира. Но и тайна человеческого существа не меньше и не короче. Если человек обратит взгляд на себя, то он встретит несказанную таинственность. Поду-

майте, человек не в состоянии объяснить себе, как в нем самом происходит переход из чувственного в сверхчувственное, из тела в дух, из бессознательного в сознательное. Природа его сознания и мысли непонятна для него. Возможности осмысления мысли гораздо меньше и уже, чем природа самой мысли. Точно так же – возможность осмысления чувств и их деятельность. Все это утопает в некой внутренней бесконечности. Бесконечность и извне, и изнутри, а бедный человек между ними. Печальная Соломонова мудрость рыдает и захлебывается в плаче по душам угрюмых жителей нашей планеты: «Все так мучительно, что человек не может и высказать, ни око не может наглядеться, ни ухо – послушаться». А я бы прибавил и от своего горя: мысль не может намислиться, ни чувство начувствоваться; все в человеке вечно алчет и вечно жаждет.

Опасно быть человеком, опасно быть зажатым между двумя бесконечностями, соревнующимися между собою в таинственности и загадочности. Человека пленяет и та, и другая. Неодолимые и неумолимые, они неутомимо и ревниво борются за несчастного человека. Два мира-сгустка атакуют человека всеми своими бесконечными ужасами. И он, измученный и израненный, хочет освободиться и от одного, и от другого мира, но не может без них и вне их. Такова его судьба.

Трагично быть человеком, ибо человек стал средоточием трагизма, средоточием всего, что трагично и в горнем, и в дольном мире, и во внешней, и во внутренней бесконечности. Через человека прозрела всякая боль, в нем разболелась всякая тварь, через его око проплакало горе всякого существа. Он больной, несущий на своих плечах болезнь всеобщего существования. В нем, как в линзе, собран весь трагизм мира, и он беспомощно сжимается и мечется на одре своей немощи.

Ужасно быть человеком, так как в своем маленьком теле он носит две бесконечности. Он матка, к которой слетаются все рои всевозможных ужасов горнего и дольного мира. Куда бы он ни направился, за ним следуют необозримые рои ужасов. Мысль его, если погрузится в мистирию миров, то всегда встретит нечто страшное и ужасное. Жизнь в таком мире вселяет безграничный ужас и в человеческие чувства, и в человеческую душу, и в человеческое тело. И он отчаянно борется с чудовищной тайной миров.

Эта опасность, эта трагичность, эта ужасность и пробудили внимание человека ко всем проблемам, всем тайнам, и он весь рассеялся в них. Нет вещи и нет явления, пред которым бы человек не согнулся в знак вопроса или перед которым бы не вытянулся в знак удивления. Точно так же нет и вопроса, который бы не увлек человека в свою бесконечность. Ибо всякий вопрос выводит человека за границы человеческого, делает его трансчеловеческим, транссубъективным, соединяя его с природой исследуемого предмета и потопляя его в бесконечности. За вопросом следует вопрос, и нигде нет ни конца вопросам, ни края ответам. Уже в чем, в чем, а в вопросах своих, в проблемах своих человек бесконечен. Но и вопрошающее сознание, и исследующий дух не бесконечны ли, если могут порождать бесконечные вопросы?

Когда бы человек был конечен, тогда бы и проблемы его, и устремления были конечны. Конечное легко регистрируется, классифицируется и формулируется. Но кто может составить исчерпывающий реестр человеческих устремлений? Кто может их классифицировать? Кто может найти окончательное, всестороннее, абсолютное устремление? Кто может уложить человека в формулу, или в границы, или в слова? И может ли кто описать

окружность вокруг человеческих устремлений, человеческих проблем, человеческих достижений?

С какой стороны на него ни смотреть, человек бесконечен, бесконечен своей таинственностью. И сердце всякого мученика мысли невольно соглашается с Негошем¹ и повторяет с ним:

Со всех сторон взгляни на человека,
Как хочешь рассуждай о человеке –
Человек для человека – тайна наивысшая.

Как радуга, растянут человек по небу жизни; концов его не видно; одним концом он погружен в материю, другим – в сверхматерию, в дух. Он представляет собою лестницу от минералов к духу. Он переход из материи в дух, и обратно – переход из духа в материю.

«Я тело и только тело», – говорит Ницше. Не говорит ли он этим: «Я тайна и только тайна?» В человеческом теле слишком много брэнного, и оно постепенно разрушается, пока смерть совсем не разрушит его, не испепелит и не смешает землю с землей. А Арцыбашев, страстный поклонник плоти, как и Ницше, стоит, задумавшись «у последней черты», стоит у разлагающегося человеческого тела провожает его в землю библейскими словами: «земля еси и в землю отидеши»² (*Быт. 3, 19*). «Я тело и только тело» ... Но скажите мне, отчего неспокоен дух в человеке? Из-за чего он постоянно отрывается от тела и через бесчисленные вопросы прорывается к чему-то зателесному, надтелесному и бестелесному? Не потому ли, что в теле с пятью чувствами он ощущает себя, как в темнице, запертой на пять замков? Данное Ницше определение человека ни в коем случае не исчерпывает тайну человека. Не исчерпывает ни тайны его духа, ни тайны его тела. И дух, и тело подобны загадочным иероглифам, которые мы с трудом читаем по складам и, возможно, читаем ошибочно. Мы знаем одно: мы исчер-

пывающе не знаем ни природу тела, ни природу духа. Человек не может ответить не только на вопрос: что есть дух, но и на вопрос: что есть материя. Дух в теле не ощущает ли себя, как мышшь в мышеловке? И тело в духе не ощущает ли себя, как птица, пойманная в крепкую сеть? Дух – тайна для самого себя и для материи, но то же касается и материи. Реальность материи не менее фантастична, чем реальность духа. Природа материи и духа скрывается в бездонных глубинах неизведанных бесконечностей.

Из таинственного брака материи с духом родился человек. Бесконечность и посреди его, и окружает его и с одной, и с другой стороны. Поэтому жизнь человека похожа на страшный сон, бесконечный сон, который снится материи в объятиях духа. И, как в любом сне, реальность ему показана, а не логически доказана. Человек не имеет границ. Границы его тела ограничены материей, а чем ограничены границы материи? Человек ощущает и сознает себя человеком, а не знает своей сущности; человек воспринимает себя как реальность, а не знает сущности воспринимаемой реальности.

Мы не знаем человека. Если смотреть на дух со стороны тела, он выглядит насмешкой над телом, если смотреть на тело со стороны духа, оно выглядит упорным сопротивлением духу. И сами чувства заставляют дух переступать границы тела. Всюду бездны: бездны около каждого из пяти чувств, около каждой мысли, около каждого ощущения. Бездна на бездне и бездна над бездной, и нет нигде верной почвы, на которой бы несчастный человек мог крепко встать. Постоянное падение, непрерывное падение к некоему дну, которого, может быть, и не существует; постоянное головокружение... И человек ощущает себя бессильным, словно отчаяние достигло в нем своего совершеннолетия.

«Будьте верными земле...» – бредит европейский человек, бредит Ницше, в то время как земля со всех сторон окружена жуткими безднами. Земля... Что такое земля? Один мой приятель проскрежетал зубами и сказал: «Земля – сгнивший мозг в черепе некоего чудовища; я полночь ношу в зрачке своем, не полдень; земля – совершеннолетие ужаса; смотря на землю и, увы, живя на ней, разлагается душа во мне, разбуженном над безднами...» Страшно быть человеком...

Малые тайны по спирали переступают в большие, а большие в величайшие. Человек из упрямства может отрицать бесконечность, но только не бесконечность тайны. Отрицать это было бы не упрямством, а намеренным безумием. Тайнственность мира бесконечна. И все в мире, без сомнения, бесконечно своею тайнственностью. Не признавать это – не значит ли иметь недалекие мысли и лелеять чахоточные ощущения; не значит ли думать и не хотеть думать до конца, чувствовать и не желать прочувствовать до края? Тайна страдания, тайна боли, тайна жизни, тайна смерти, тайна лилии, тайна серны, тайна твоего ока – разве все тайны не бесконечны?

Все погружено в несказанную мистерию. У каждой твари есть один нимб – бесконечность. Если в чем и присутствует вся истина, то она присутствует именно в этой мысли: всякая тварь – символ бесконечности. Эту истину ощущает всякий, кто хотя бы однажды погружался в тайну хоть какой-нибудь твари. В этой всеобщей тайнственности достигается только одно: единство посюстороннего и потустороннего. В вопросах и удивлении человек, несомненно, посюсторонне-потусторонен. Зло в этом мире толкает человека к иному миру. Страдание превращает тело человека в знак вопроса, который выпрямляется, обращенный к тому миру, и от напряжения превращается в восклицательный знак.

Этот тесный мир есть вопрос, который не может разрешиться сам собою. Неустойчиво человек ощущает себя на границе двух миров: посюстороннее тянет к себе, потустороннее – к себе, а бедный человек между ними спотыкается и падает. Человек – до ужаса загадочное существо: он находится на перепутье, на водоразделе между тем и этим миром. Кажется, он призван быть связующим суставом посюстороннего с потусторонним. И он пытается им быть: через науку и философию, через поэзию и религию, особенно через религию.

Через религию человек всеми силами пробует выстроить мост над пропастью между посюсторонним и потусторонним, между видимым и невидимым, между чувственным и сверхчувственным, чтобы стало возможным органичное единство этого мира с иным. Через религию человек пытается найти свое равновесие во вселенной, чтобы не переоценить потустороннее в ущерб посюстороннему и, наоборот, посюстороннее в ущерб потустороннему. Это не роскошь, но самая необходимая необходимость; это не нечто неестественное, а, напротив, составляющее саму сущность природы человека. Есть нечто в человеке, что не может уложиться в этот трехмерный мир, в категории времени и пространства. Это и есть то, что находит свое выражение и свой язык в религии. Через религию человек побеждает геоцентризм и пробует аппироцентризмом³ преодолеть эгоизм.

Ощущение бесконечности присуще всякому человеку. Пробудившись, оно проявляется через религию; оставшись в спящем состоянии, оно уступает место безрелигиозности, безразличию и атеизму. Безрелигиозность и атеизм проявляются у тех людей, у которых это космическое, это бесконечное ощущение опьянено солипсическим эгоцентризмом. Если человек начнет искать смысл жизни, смысл, который бы был более логичным,

чем у моли, то в нем моментально пробуждается спящее ощущение бесконечности. И человек через религию всем своим существом тянется за пределы себя и над собой в поисках желанного смысла. В этом случае религия становится средством победы над эгоизмом, над солипсизмом; средством продления, расширения, углубления, обесконечивания человеческой личности. Через религию человек борется за расширение круга реальности, за смысл безусловный, за цель непреходящую, за оптимизм неугасимый, за бессмертность блаженную. В этом смысл и оправдание всех религий, возникших на нашей много-страдальной планете.

Православная библиотека – Orthodox Logos

- *Песня церкви - Праведники наших дней* – Артём Перлик
- *Сказки* – Артём перлик
- *Патристика* – Артём Перлик
- *Следом за овцами - Отблески внутреннего царства* – Монахиня Патрикия
- *Откровенные рассказы странника духовному своему отцу*
- *Семь слов о жизни во Христе* – праведный Николай (Кавасила)
- *О молитве* – святитель Игнатий (Брянчанинов)
- *Об умной или внутренней молитве* – преподобный Паисий (Величковский)
- *В помощь кающимся* – святитель Игнатий (Брянчанинов)
- *Христианство по учению преподобного Макария Египетского* – преподобный Иустин (Попович), Челийский
- *Философские пропасти* – преподобный Иустин Челийский (Попович)
- *Священное Предание: Источник Православной веры* – митрополит Каллист (Уэр)
- *Толкование на Евангелие от Матфея* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Марка* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Луки* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Иоанна* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Таинство любви* – Павел Евдокимов
- *Мысли о добре и зле* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Миссионерские письма* – святитель Николай Сербский (Велимирович)

«Философские пропасти» преподобного Иустина Челийского – это удивительное соединение философии, богословия и лирики. В книге архимандрит Иустин размышляет о том, как человеческая мысль стремится к истине, и показывает, что только в православной вере можно найти ответы на глубинные вопросы жизни. Он исследует противопоставление гуманистической философии и учения Православной Церкви, раскрывая пути духовного преображения через Богочеловека Иисуса Христа.

«Философские пропасти» – это книга, которая поможет читателю задуматься о своих собственных жизненных путях, сопоставить свой внутренний мир с миром веры и открыть новые горизонты для духовного роста. Это произведение окажется полезным для всех, кто ищет ответы на глубокие философские и духовные вопросы, особенно в контексте современного мира, где традиционные ценности подвергаются сомнению.

Каждый очерк — это шаг к познанию себя, своего внутреннего мира и смысла жизни. Читатель найдет здесь ответы на важнейшие философские и духовные вопросы, которые актуальны и сегодня.

